

**Аналитические комментарии к книге Ф. Мохаддама
«Терроризм с точки зрения террористов, что они переживают и думают,
и почему обращаются к насилию»**

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА

В. А. Соснин

Аннотация: в работе рассмотрена точка зрения автора о социокультурном подходе для анализа проблемы терроризма, представлен обзор основных психологических теорий в объяснении терроризма.

Ключевые слова: терроризм, идентичность, глобализация, социальные условия, потребности идентичности, мотивация.

The summary: in the work there are considered ideas of the author on a social-cultural approach for analyzing of terrorism. It is carried out a survey of some theories in explaining of terrorism.

Keywords: terrorism, identity, globalization, social conditions, needs, motivation.

Мы продолжаем знакомить наших читателей с содержанием работы известного ученого с мировым именем Ф. Мохаддама по проблеме терроризма.

Ф. Мохаддам в работе развивает и использует социокультурный подход к анализу проблемы терроризма, который в настоящее время считается наиболее перспективным и прогностическим в противодействии этой чуме третьего тысячелетия [2]. Автор при анализе проблемы убедительно показывает, как современные социокультурные условия жизни в мусульманских стра-

нах и глобализационные тенденции развития мировой цивилизации мотивируют многих представителей мусульманского мира к вступлению на путь терроризма. Перед обсуждением социокультурного подхода к проблеме мотивации терроризма, автор дает краткий обзор существующих психологических теорий, в той или иной мере позволяющих рассматривать и объяснять проблему мотивации терроризма в современном мире и их релевантность к данной проблеме [2, 8].

Парадоксы идентичности в глобальном мире

Каждый человек, стремящийся понять причины возникновения феномена терроризма, должен уловить наличие одновременно притяжения и отвержения, любви и ненависти, которые переживают исламские общества по отношению к Соединенным Штатам. С одной стороны, люди из исламского общества, даже исламисты-фундаменталисты, испытывают сильное притяжение к США (они для них являются привлекательными), и многие из них при малейшей возможности с поспешностью эмигрировали бы в Америку. С другой стороны, некоторые люди испытывают очень негативные чувства, и даже яростную ненависть в отношении Соединенных Штатов.

Ситуация в Иране отражает общую амбивалентность мусульманских обществ во всем мире по отношению к Западу в целом и Соединенным Штатам в частности. Запад в их глазах представляет технологические достижения, и для многих людей, особенно для представителей ряда социальных групп (женщин и меньшинств), он олицетворяет свободу и освобождение от удушающих традиций. В то же время Запад представляет альтернативную идентичность, в которой представители не западных обществ могут раствориться и потерять все признаки своей идентичности. Страх потерять свою аутентичную (культурную) идентичность, раствориться в идентичности другой культуры переживается и молодыми эмигрантами из Северной Африки во Франции, и ливанской молодежью в Австралии, и молодыми палестинцами на западном побережье и молодежью, выкрикивающей «Смерть Америке!» в Тегеране.

В основе исламистского терроризма лежит кризис исламских сообществ. Однако, как утверждает Мохаддам, нам трудно понять суть этого кризиса с традиционной точки зрения западных исследователей. Они обычно рассматривают идентичность как нечто стабильное, основанное на совокупности универсальных черт, таких как открытость новому опыту, рациональная осознанность, экстравертизм, уступчивость и невротизм (так называемые пять больших личностных характеристик). Вместо объективности, подобный взгляд на идентичность, опирающийся на теорию черт, крайне ограничен конкретным временем и предназначен лишь для конкретных сегментов западной

культуры. *Альтернативный и более плодотворный подход состоит в том, чтобы рассматривать идентичность как динамичное и гибкое образование личности, изменяющейся вместе со своим культурным контекстом.*

Индивиды инкорпорируют и ассимилируют в свою идентичность те аспекты внешнего мира, которые делают их жизнь более осмысленной и удовлетворительной. Люди постоянно меняются и изменяют себя, поскольку что-то они теряют (от чего-то избавляются), что-то приобретают, вычитают и добавляют, реконструируют и переоценивают различные аспекты своей идентичности. Они не просто проявляют гнев, чувствуют стыд и демонстрируют агрессию, они *становятся* раздраженными и гневливыми личностями, испытывающими стыд и агрессивность. Они *приходят* к тому, чтобы осознать себя в состоянии гнева, стыда и агрессии. Представления о себе (какими они являются, а не просто, что они делают) постоянно изменяются. Некоторые индивиды становятся террористами, принимающими мораль терроризма как часть своей личной идентичности. *Стать террористом — это нечто большее, чем просто участвовать в террористической активности, происходит трансформация своего Я и становление конкретной идентичности.* Природа подобной идентичности выводится (формируется, возникает) из кризиса, переживаемого исламскими сообществами. Этот процесс, как отмечает Мохаддам, можно полнее понять, рассматривая прежде всего различные альтернативные объяснения феномена терроризма.

Анализ объяснений терроризма: урок из основных теорий

Человек, стремящийся получить объяснения терроризма из теорий социальной науки, не будет разочарован, поскольку есть ряд доступных теорий. Однако он будет разочарован в объяснительной силе каждой из этих теорий, независимо от других теорий. Во многих аспектах подобные теории имеют тенденцию скорее быть комплиментарными, чем конкурирующими друг с другом. Тем не менее мы можем получить пользу (в отношении объяснения терроризма) из этих основных теорий, рассматривая их коллективный вклад и приходя к более широкому объяснению изучаемого феномена. Однако нам также необходим прорыв за пределы имеющихся объяснений, и именно акцент на анализе идентичности становится в этом плане особенно существенным, значимым и актуальным.

В основных теориях имеется широкий спектр представлений о человеке и человечестве, начиная от представлений об иррациональности и неспособности человека «корректно» осознавать как свои действия и поведение, так и побуждения, лежащие в основе этих действий (вплоть до представлений о том, что люди рациональные существа и руководствуются только своими материальными интересами). Иррационалистская перспектива обязана своим возникновением глубокому влиянию работ З. Фрейда, а в современных исследованиях она лучшим образом представлена в *теории управления терроризмом*. Концепция иррациональности характерна и для ряда других теорий, в которых центральной темой выступает проблема справедливости (наиболее значимый

пример таких теорий — теория относительной депривации и теория справедливого мира). В определенной степени концепция иррациональности является также характеристикой и функциональных теорий, основанных на принципе эволюционности. Наконец, ряд материалистических теорий исходит из положения, что представители рода «*homo sapiens*» — рациональные индивиды, ориентированные на самих себя и на то, что они стремятся максимизировать свои личные успехи (достигаемые множеством различных способов).

Наследство З. Фрейда: человек как иррациональное существо

В то время как феномен бессознательного обсуждался рядом исследователей и до З. Фрейда, именно его работы поставили решение проблемы бессознательного в центр научных и практических описаний человеческого мышления и действий. После него стало нормой, как для специалистов, так и рядовой образованной публики, испытывать удивление в отношении неосознаваемых мотивов и мыслей людей, находящих за их повседневными действиями и поступками, особенно других людей, а не своих собственных.

Люди постоянно ввергали себя в «войны, которые положат конец всем войнам» и «войны по распространению свободы». Однако в реальности каждая дополнительная война в достижении этих целей заканчивалась ничем, кроме большего количества смертей и разрушений. Современным фиговым листом западной цивилизации является идея о том, что демократии не вступают в войну друг против друга, поэтому если мы будем вести войну и приведем все стра-

ны к демократии, то положим конец всяким войнам.

Однако этот фиговый лист не может скрыть тот факт, что А. Гитлер пришел к власти путем демократических выборов и спровоцировал события, приведшие ко Второй мировой войне при массовой поддержке населения (конечно, критики будут утверждать, что выборы, на которых он победил, страдали нарушениями и изъятиями, однако то же самое можно сказать и в отношении других выборов в западных странах, например президентских в США в 2000 г.). Многие современные диктаторы, включая Р.М. Хомейни, который правил Ираном в течение кровавой восьмилетней войны с Ираком, получили массовую поддержку населения и, несомненно, победили бы в «демократических» выборах. Независимо от того, в какие «одежды» мы облачаем человеческие действия, по-видимому, трудно, если вообще возможно, объяснить войну и агрессию исходя из принципа рациональности. В этой сфере поведения (в сфере бессознательного) по меньшей мере более полезно и перспективно принять и согласиться, что люди действительно, как правило, не осознают или не способны контролировать силы и побуждения, которые влияют на их поведение.

Естественно, по нашему мнению, нет ничего более иррационального, чем поведение террористов-самоубийц, взрывающих себя во время терактов, убивающих неповинных граждан. Терроризм, по-видимому, является такой формой или типом поведения, который идеально соответствует оценкам с позиции идей З. Фрейда.

З. Фрейд делал акцент на особой важности групповой жизни и воздей-

ствии групп на индивидуальное поведение через идентификацию членов группы с ее лидером. Он утверждал, что только группы, способные к эффективным и организованным действиям, являются группами с сильными лидерами. Лидер группы объединяет его членов вместе в любви (и это его основная функция — В.С.), также как члены семьи эмоционально объединены друг с другом. Глава церкви и руководитель армии выступают заместителями отцов, также как и Осам Бен-Ладен является заместителем отца для Аль-Каиды. Лидер объединяет членов группы в направлении «любви друг к другу» как братьев и сестер, и эта «иллюзия взаимной любви» — основание групповой солидарности и сплоченности.

Для того чтобы выжить и функционировать эффективно, группы должны иметь в своем арсенале механизмы преодоления негативных эмоций, которые возникают в группе. З. Фрейд продемонстрировал свой гений в том, что выявил (идентифицировал) механизм замещения, который позволяет групповому лидеру переориентировать негативные чувства на внешние цели. Таким образом, посредством этого механизма члены группы «приходят к любви друг к другу» и переориентируют негативные чувства на аутсайдеров.

Чем сильнее отличается от собственной внешняя группа, тем больше вероятность того, что она будет выбрана целью для замещения агрессии. «Послание» З. Фрейда вполне понятно: мы все можем любить друг друга до тех пор, пока существуют другие люди как аутсайдеры и объекты для ненависти. С этой точки зрения исламские фундаменталисты могут объединять и спланировать своих

людей в любви до тех пор, пока существует «Большой Сатана» в образе Соединенных Штатов, которого можно ненавидеть. Аналогично после окончания холодной войны и крушения Советской «империи» США стали новым внешним врагом, целью для замещения агрессии.

Управление террором

Исследователи XXI в. предложили рациональную модель нового двойника в рамках теории управления террором [11]. Положения этой теории опираются на обычные мирские наблюдения: подобно другим организмам, люди мотивированы сохранять свою жизнь; они «понимают себя», признают, что когда-то умрут. Исходя из этих двух положений, возникает первоначальный посыл: конечный исход самопонимания и самосохранения — это потенциал для переживания всеохватывающего террора (ужаса).

Каким образом мы можем защитить себя от обезоруживающих переживаний и чувств безысходности такого террора? Согласно положениям этой теории, мы справляемся с этим, конструируя в своем сознании представления, которые помогают нам защитить себя от состояния террора и позволяют более или менее эффективно функционировать, невзирая на неизбежность нашей смерти. Эти мировоззренческие представления являются классическими в том смысле, что они включают в себя религиозные ценности и убеждения в отношении того, как возник мир, как он закончит свое существование, как мы покинем этот мир и продолжим существовать после нашей смерти. Придавая нашей жизни смысл и рассматривая смерть просто как переход к другой вечной жизни, мы избегаем чувства безысходности, бессмысленно-

сти своего существования и ужаса (террора), который делает нашу жизнь бессмысленной.

Несмотря на отрицание смерти в наших культурах, ее неизбежность означает, что мы постоянно и неизбежно сталкиваемся с мыслью о неизбежности смерти. Этот вызов становится особенно актуальным, когда мы сталкиваемся (часто неосознанно) с представлениями о мире, кардинально отличающимися от наших собственных. Например, если главным в моей системе убеждений является представление о том, что люди моей веры все будут попадать на небеса, а иноверцы в ад. И наоборот, я убежден, что люди моей веры напрямую попадут в ад, а ваши единоверцы в рай в соответствии с вашей системой убеждений, то кто-то из нас абсолютно ошибается. Наши столкновения будут приводить только к тому, что каждый из нас останется приверженцем своей морали и веры, и у нас будет возникать чувство беспокойства в отношении нашей окончательной судьбы.

В дополнение к нашему культурному мировоззрению, признающему высшей ценностью ценность человеческой жизни, мы используем различные механизмы психологической защиты (от конверсии до отвержения), чтобы тем или иным образом справиться с беспокойством, возникающим из осознания неизбежности смерти. При благоприятном исходе использования этих стратегий не исключено, что личность может принять другое мировоззрение (то есть совершить акт обращения). Так, я могу прийти к убеждению, что ваша вера содержит в себе правильные оценки того, каким образом человек попадает в рай, и, принимая это, буду стараться попасть

в рай в соответствии с представлениями вашей веры.

Однако конверсия (обращение) редко осуществляется добровольно. Для вашей группы остается альтернатива — либо отвергнуть свою веру и *ассимилироваться* с моей, или выбрать стратегию *аккомодации* (приспособления), просто принимая те аспекты моей веры, которые для вас более приемлемы (или нравятся вам больше). Другая более разрушительная перспектива — это та, которая реализовывалась в действиях большинства убийц на протяжении многих веков существования человечества. Ваша группа может решить попытаться полностью и тотально уничтожить мою группу (как это случилось в человеческой истории в целом и в современной истории колонизации).

Сторонники последней точки зрения утверждают, что теория управления террором валидна (верна) в связи с тем, что самооценка личности служит своеобразным буфером (барьером) возникновения беспокойства, связанного с осознанием факта неизбежности смерти. Наши культурные представления позволяют нам вести осмысленную жизнь, получать удовлетворение от высокой самооценки и таким образом избегать этого беспокойства. Очевидно, что для многих людей центральный и нередко наиболее важный компонент культурного мировоззрения оформляется религиозными убеждениями. Религия, с точки зрения К. Маркса, действует как «опиум для народа» в том смысле, что она позволяет освобождаться от беспокойства, связанного с неизбежностью смерти.

Однако возникает вопрос — насколько хорошо это объяснение для поведения террористов-самоубийц? Подтал-

кивают ли их неосознанные мотивы, связанные с всеохватывающим ужасом неизбежности смерти, к тому, чтобы взрывать себя и других людей? По мнению Ф. Мохадамма, это объяснение, являясь весьма привлекательным, не учитывает один существенный аспект — террористы-самоубийцы своими действиями демонстрируют, что они по существу совсем не опасаются своей смерти. Однако теория управления террором содержит ряд аспектов, которые заслуживают внимания и рассмотрения как часть более широкого объяснения исламского терроризма.

Так, теория управления террором совершенно правильно и корректно идентифицирует устрашающую угрозу, исходящую от «истинных последователей Ислама», бросающих вызов остальному миру. Однако Ф. Мохадамм не совсем принимает эту позицию, поскольку внешние угрозы не снимают с нас фундаментального вопроса, не позволяют нам забыть, что мы смертны. Вместе с этим он убежден, что именно террористы ставят под вопрос ценность наших представлений о мире, которые для нас считаются важными в повседневной жизни. Они ставят под вопрос нашу аутентичную идентичность как в личностном, так и в групповом смысле.

Проблема сложности существования: представители homo-sapiens одновременно являются и рациональными и иррациональными существами

З. Фрейд и современные приверженцы модели иррациональности исходят из представления, что экстремальные мысли и действия людей придают особую значимость иррациональности и фено-

мену бессознательного. Однако существует ряд альтернативных теорий, исходящих из положения, что человеческие существа являются одновременно рациональными и иррациональными. Концепция «иррациональности» в этих теориях возникает из предположения, что человеческие существа не осознают реальные влияния, «оформляющие» их мысли и действия. Однако большая роль отводится рациональным аспектам человеческой жизни.

Хорошим примером этой «смешанной» перспективы является *социобиология* — научное исследование биологических основ человеческого поведения. Социобиологи ставят во главу угла адаптивные функции агрессии с точки зрения долговременной перспективы человеческого выживания в изменяющихся условиях окружающей социальной и природной среды. Ген *эгоизма*, как принцип, предложенный социобиологами, исходит из того, что реальная конкуренция за выживание в эволюционном процессе заключается в конкуренции между совокупностью генов и тем, что мы как человеческие существа следуем нашим генным основаниям, заложенным в нас самой жизнью [7].

На нас оказывает сильное влияние феномен внутреннего скрытого понимания необходимости сотрудничества и альтруистического отношения к другим людям, которые генетически похожи на нас, но также генетически враждебно и агрессивны настроены по отношению к тем, которые генетически отличны от нас.

Для объяснения поведения человека с позиций социобиологии Ф. Мохаддам приводит анализ ситуации межличност-

ного взаимодействия людей при угрозе жизни:

Рассмотрим, например, ситуацию, в которой вы должны жертвовать своими интересами ради интересов другой личности. Существует ряд аспектов «тонущего корабля» и остается только одна возможность для другого человека в «этой лодке жизни». Кто же заставит вас «прыгнуть» в эту лодку жизни: вы сами, ваша тетьа, добрый друг, важный человек, которого вы встретили на этом корабле, друг твоего сына или ваш собственный сын?

Многие люди не испытывают никого сомнения чтобы утверждать, что они желают того, чтобы «принять» своего сына и себя самого в «лодку этой жизни». От чего это происходит? Социобиологи будут утверждать, что это происходит потому, что ваш сын несет в себе ваши гены и сможет передать эти гены другим поколениям. Но вот ситуация — в одной лодке вы имеете двух сыновей, один из которых приемный, а другой — ваш любимый кровный отпрыск. Социобиологи будут предсказывать, что вы будете отдавать предпочтение вашему кровному сыну, и есть достаточно убедительные свидетельства в пользу этой перспективы. В целом есть большая вероятность того, что родители будут отдавать предпочтение своим кровным детям, чем приемным, и есть большая вероятность того, что приемные дети будут ранеными или убитыми по сравнению с кровными детьми.

На межличностном уровне социобиологические установки служат как определенное оправдание. Однако в более широком смысле социобиологические оценки и утверждения не являются достаточно убедительными. Основной не-

достаток социобиологических утверждений на межгрупповом уровне — это ошибочное представление о том, что люди могут использовать свои представления и правильно определять свой генотип, то есть генетические характеристики.

Кроме того, считается, что люди будут использовать это предполагаемое знание для того, чтобы проявлять более позитивное поведение по отношению к тем людям, которые генетически более похожи на них самих. Однако это предположение не подтверждается моделями союзов и коалиций в большинстве мировых войн.

Какой логике следует социобиология в объяснении терроризма? Результат объяснения, как полагает Ф. Мохаддам, представляется смешанным. С одной стороны, можно было бы утверждать, что 11 сентября 2001 г. террористы атаковали то, что на бессознательном уровне они рассматривали как ракеты-носители конкурирующих генов. Аналогично атаки исламских фундаменталистов на западные публичные центры, среди которых наиболее известными являются атаки в Мадриде и Лондоне, могут интерпретироваться как попытки уничтожить или ослабить генетических конкурентов. С другой стороны, атаки террористов-самоубийц в Иране и многих других местах исламского мира в основном приводили к смерти других мусульман.

Теории справедливости

Однако если социобиология имеет относительные успехи в объяснении террористических атак, то теории справедливости переживают еще более трудное время. Основная причина состоит в том, что наиболее продвинутые теории справедливости развивались в контексте за-

падных обществ, в которых основная исследовательская проблема заключалась в следующем: почему люди терпят и мирятся с несправедливостью и продолжают воспринимать и интерпретировать мир как справедливый даже в таких ситуациях, которые очевидно не являются справедливыми? Наряду с этим вопросом остается неразрешенной проблема бездействия: почему люди остаются пассивными перед лицом гигантских несправедливостей? Почему люди ничего не делают, чтобы попытаться изменить мир к тому, чтобы сделать его более справедливым? [3].

В контексте западных обществ сторонники этих теорий выдвигают и развивают положение о том, что люди мотивированы рассматривать окружающий мир как имеющий множество представлений о справедливости.

Используя различные механизмы приписывания вины жертве (например, «это собственная ошибка жертвы, что в отношении ее совершено сексуальное насилие») или другие подобные стратегии рассуждений, людям удается сохранить мнение, что мир справедлив. Эти стратегии помогают нам избежать необходимости предпринимать какие-то действия, чтобы изменить ситуацию.

Аналогично теориям справедливости можно адресовать следующие вопросы: почему люди продолжают одобрять социальную систему, которая постоянно воспроизводит неравенство и несправедливость? Почему они остаются пассивными? Один из ответов, предложенный К. Марксом, состоит в том, что богатые контролируют средства массовой информации, систему образования, церкви и другие средства, с помощью которых мы учимся видеть и воспринимать

окружающий мир. Богатые люди используют это влияние, чтобы обеспечить видение мира у населения как справедливого и интерпретировать события таким образом, чтобы оправдать существующую социальную систему. Поскольку мы не полностью осознаем этот процесс, то мы в определенной степени являемся иррациональными существами.

Однако террористы не являются пассивными и не считают мир справедливым. Они рассматривают его как несправедливый и предпринимают ужасающие экстремистские действия с целью изменить его в соответствии со своими идеальными представлениями. Объяснения, содержащиеся в теории справедливого мира и теории системного оправдания, сыграли не очень хорошую службу в понимании терроризма, хотя они достаточно полезны в большинстве социальных контекстов как на Западе, так и в других странах.

Относительная депривация

Влияние теории относительной депривации на объяснение мотивации терроризма Ф. Мохаддам поясняет следующим образом:

Когда я сравниваю свой доход с доходом Била Гейтса, я испытываю относительную депривацию (то есть наличие определенных препятствий к удовлетворению потребности — В.С.). Однако когда я сравниваю свой доход с доходами большинства студентов, я чувствую себя вполне удовлетворительно. Это эгоистическая или личностная депривация. Мы все интуитивно знаем о наличии взаимосвязи между целью сравнения и чувствами эгоистической депривации и шаблонно используем это знание, чтобы манипулировать своими

чувствами и чувствами других. Например, если я хочу, чтобы студент почувствовал себя менее депривированным, то я, скорее всего, сориентирую его/ее сравнить себя с другими студентами, у которых намного меньше жизненных ресурсов и успехов. Сосед, имеющий дырявую крышу дома, утешается словами «могло бы быть намного хуже; подумай о жертвах наводнения в Новом Орлеане».

Однако во многих ситуациях люди переживают общинную депривацию, то есть депривацию, связанную с положением своей группы в обществе. Например, мусульманин может испытывать депривацию из-за положения мусульман по сравнению с другими окружающими группами. Исследования показывают, что люди, испытывающие общинную депривацию и те, кто испытывает одновременно дурное влияние личностной и общинной депривации, являются наиболее вероятными кандидатами для участия в коллективных действиях, направленных на попытки изменения их ситуации.

Еще более интригующее предположение, выдвинутое в литературе по относительной депривации, состоит в том, что восстания и революции с наибольшей вероятностью возникают во времена процветания. Люди становятся более благополучными, при этом основная опасность заключается в том, что их ожидания растут все быстрее и быстрее.

Быстрый рост ожиданий населения, несомненно, сыграл свою роль в развитии революции в Иране в 1978–1979 гг. Быстрый рост цен на нефть и непродурманенные, завышенные претензии и призывы Шаха подогрели ожидания иранцев: Иран должен стать Швейцарией на Востоке. Несмотря на быстрое экономи-

ческое изменение и улучшение стандартов жизни многих, если не большинства иранцев, не было никакого пути или способа, с помощью которого можно было бы удовлетворить быстро возрастающие ожидания иранского населения.

А. Хомейни управлял ситуацией совершенно иначе. После развития революционной ситуации по модели, характерной для всех революций, перед приходом к власти он сконцентрировал внимание на правах и свободах людей, но после революции он сдвинул акцент (общественного внимания — В.С.) на их обязанность подчиняться власти. Этот сдвиг акцента помог снизить ожидания населения в отношении свобод. В то же время А. Хомейни декларировал, что революция совершилась не для материальных выгод, а для Ислама. Материальные вознаграждения и награды этого мира не имеют значения, имеет значение только будущий мир. Таким образом, А. Хомейни драматическим образом понизил ожидания иранцев в улучшении своих стандартов жизни.

По мнению Ф. Мохаддама, согласно теории относительной депривации терроризм — это результат роста неудовлетворенных ожиданий и возрастающей фрустрации среди миллионов молодых людей, которые чувствуют, что они не имеют никакого голоса, никакой надежды и никаких возможностей для своего будущего, исходя из состояния дел. Ожидания этих молодых людей частично были подогреты глобализацией — современные коммуникации позволили видеть и слышать образы других миров, где молодые люди имеют намного больше возможностей для развития талантов и условий для полноценной жизни. Молодые люди в исламских со-

обществах увидели, какой может быть жизнь — большие возможности для образования, товары широкого потребления, а также социальные и политические свободы. Однако в их собственных сообществах у них нет никаких возможностей достичь такой жизни. Наиболее важным оказалось то обстоятельство, что международные средства коммуникации изменили отношение молодых людей в исламских сообществах к собственной идентичности. СМИ удалось поставить перед ними базовые вопросы в отношении самих себя: что я из себя представляю как личность, как меня воспринимают и оценивают другие? Ответы на эти вопросы в большой степени зависят от того, что они думают по поводу восприятия своей группы другими. Во многих исламских сообществах (как в западных, так и не западных) молодые люди приходят к осознанию того, что начинают воспринимать принадлежащими к угнетаемой группе. Образ собственного Я и своей группы, к которой несправедливо относятся другие, имеет колоссальные последствия. И Ф. Мохаддам возвращается к этой теме позднее при дальнейшем обсуждении данной проблемы.

Материалистические объяснения

На противоположном полюсе от иррационалистической психодинамической теории З. Фрейда находится совокупность материалистических теорий, которые в подавляющем большинстве исходят из положения, что человеческое поведение является рациональным. Цель человеческих существ, в соответствии с материалистическими теориями, состоит в том, чтобы максимизировать удовлетворение желаний, например, посредством максимизации дохо-

дов. Эта цель достигается посредством принятия решений, которые хотя иногда подвержены пристрастиям и /или могут быть ошибочными, но тем не менее она всегда является осознанной и рациональной.

Материалистические теории исходят из положения, что человеческое сознание и психологический опыт человека формируются на основе его материальных условий. Вот как описывает Ф. Мохаддам ситуацию межгруппового конфликта с позиции материалистических теорий:

Рассмотрим, например, сферу конфликта: государство X и государство Y хотят иметь нефть. Их конкуренция за нефтяные ресурсы ведет к межгрупповой враждебности, и два государства начинают ненавидеть друг друга. Таким образом, негативные чувства и агрессивные действия этих стран по отношению друг к другу формируются под влиянием фактора конкуренции за нефтяные ресурсы. Негативные чувства и действия могут прекратиться, если одно или оба государства решат, что нефть им не нужна, например, потому что они открыли альтернативные источники энергии.

Насколько эффективна рационалистическая, материалистическая перспектива в объяснении терроризма? Являются ли террористические группы рациональными и мотивированными на максимизацию своих выгод (доходов, прибыли)? С одной стороны, можно утверждать, что Аль-Каида и другие террористические группы стремятся получить контроль над территорией и другими материальными ресурсами, что подтверждается, например, их усилиями по выдавливанию представителей западного мира со своей земли (такие страны,

как Саудовская Аравия и Ирак). С другой стороны, террористы часто жертвуют жизнью для уничтожения ресурсов. Создается впечатление, что в Ираке и других местах террористы стремятся к тотальному уничтожению всего и вся, включая самих себя. Их поведение не вполне совместимо с рационалистической, материальной перспективой. Террористы-самоубийцы, взрывающие себя в местах массового скопления населения, не пытаются получить материальную выгоду (ресурсы), исходя из рациональной стратегии: их единственная цель — уничтожить врага.

Влияние индивидуальных характеристик

Альтернативный теоретический подход к объяснению терроризма концентрирует внимание на личностных характеристиках террористов. Действительно некоторые из них играют ключевую роль в механизме терроризма. Важными характеристиками, присущими большинству рядовых членов террористических групп и организаций, являются их *возраст, пол и семейный статус*. Большинство террористов находятся на пределе юношеского возраста и в начале двадцатилетия — это, как правило, мужчины, не состоящие в браке, в последнее время также возросло число женщин-самоубийц. В связи с этим Ф. Мохаддам концентрирует основное внимание на половой принадлежности и возрасте потенциальных террористов для анализа их индивидуальных характеристик.

На международном уровне число терактов, совершаемых мужчинами-самоубийцами, по сравнению с количеством терактов, совершаемых женщинами-самоубийцами, находит-

ся приблизительно в таком соотношении — на тридцать пять терактов, совершаемых мужчинами, приходится один теракт, совершаемый женщинами. Не следует удивляться этой тенденции, поскольку терроризм — это форма протеста, форма поведения с крайне высоким уровнем риска, и именно молодые мужчины решаются на такое поведение в западных обществах.

Среди молодых мужчин широко распространены экстремальные виды спорта и досуга (серфинг, игры с использованием специального оборудования, уличные гонки на автомобилях и мотоциклах, прыжки с отвесных скал и т. п.). Конечно, женщины и представители других возрастных групп также принимают участие в подобных мероприятиях. Однако типично, что именно мужчины склонны брать на себя самые высокие риски. Эта тенденция в реальной жизни приводит к тому, что среди мужчин намного больше случаев фатальных исходов по сравнению с женщинами.

Соотношение рождаемости женщин в сравнении с мужчинами колеблется в пределах 950 девочек на 1000 мальчиков в глобальном масштабе. Это означает, что мальчиков рождается на 5% больше, чем девочек. Однако более высокая степень риска у мужчин приводит и к более высоким показателям смертности среди молодых мужчин, и показатель численного соотношения полов выравнивается в этой возрастной группе населения.

Более высокий уровень тестостерона среди молодых мужчин является только одним биологическим индикатором физической готовности к более высокому уровню принятия риска. Очень изменчивая и неумная энергия молодых мужчин

в большинстве обществ направляется на спортивную активность и контролируемые формы конкуренции.

А что происходит, когда поведение молодого человека с высоким уровнем тестостерона катализируется в другом, более деструктивном направлении? Результат оказывается взрывоопасным и разрушительным. Мы имеем представление о ситуациях, когда соперничающие группы футбольных фанатов сталкиваются на футбольных матчах в Европе; или когда расовые столкновения вспыхивают в Соединенных Штатах; или когда группы ирландских молодых католиков или протестантов вступают в кровавые схватки с полицией в Северной Ирландии; или когда молодые палестинцы борются с силами безопасности Израиля. Энергия, которая могла бы быть направлена на хоккейную или футбольную борьбу, аккумулируется на избиениях до смерти оппонентов и «швырянии» камней и бомб.

Конечно, необходимо проявлять осторожность, чтобы не преувеличивать связь между мужчинами и террористами. Гендерные роли в ряде важных аспектов поддаются влиянию внешних факторов (воспитательным воздействиям и т. п.). Существует бесчисленное множество примеров, когда женщины не только выполняют, но и превосходят мужчин в выполнении задач/заданий, которые прежде считались монополией последних.

Для студентов, обучающихся освоению гендерных ролей, нет ничего удивительного в том, что благодаря изменившимся культурным условиям и более активной роли чеченских, тамильских и курдских женщин в их обществах в целом, существенное число террористических

атак в Чечне, Шри Ланке и Турции были осуществлены при участии женщин-террористок. Ряд кровавых террористических актов свидетельствует о том, что они не уступают мужчинам в высоком уровне риска и агрессии в поведении.

Однако такой уровень является лишь одной характеристикой молодых мужчин и женщин. Другая важная характеристика — это стремление к адекватной идентичности. Потребности идентичности выступают в качестве главной темы рассматриваемой книги в анализе представлений террористов на феномен терроризма.

Потребности идентичности, воспроизводимые социальными условиями

Неосознаваемые силы, страхи от наличия «другого», чувство депривации, восприятие несправедливости, стремление иметь/получить поддержку близких (родственников) и членов своей этнической группы, а также борьба за материальные ресурсы — эти характеристики находятся в числе наиболее важных факторов, которые играют свою роль в терроризме, как предполагается в большинстве основных теорий.

Однако имеется важная тема, лежащая в основе, сверхважный фактор, который объясняет терроризм намного лучше. И этот фактор имеет отношение к социокультурной идентичности и ее глубокому и всеохватывающему кризису, переживаемому исламскими сообществами.

Фундаментальное психологическое требование, накладываемое на индивида обществом в процессе его социализации, состоит в том, чтобы он достиг аутентичной (подлинной) идентично-

сти. И это социальное требование создает потребность для каждого из людей — в течение жизни стремиться удовлетворить эту познаваемую потребность в идентичности. Для достижения подлинной идентичности должны быть выполнены три основных условия:

1. Предпосылкой подлинной идентичности на индивидуальном уровне является требование достижения подлинной идентичности на групповом уровне. Индивид не может достичь личностной идентичности вне зависимости от групповой идентичности. Индивидуальная аутентичность возникает из коллективной (в более широком смысле — индивидуальное сознание возникает из коллективного).

В связи с этим первое требование для развития подлинной идентичности на индивидуальном уровне состоит в том, что она (подлинная идентичность) должна быть достигнута на групповом уровне. К сожалению, кризис идентичности, переживаемый мусульманскими сообществами, означает, что мусульмане как отдельные индивиды не имеют необходимых коллективных ресурсов для того, чтобы достичь подлинной идентичности.

2. Второе требование для подлинной идентичности состоит в том, что ее основной источник должен находиться внутри своей группы, к которой принадлежит индивид, а не во внешней группе. Источниками идентичности являются властные источники (полномочия), которые определяют традиции, ценности, цели и другие характеристики группы, включая стереотипы в отношении своего сообщества.

Данное требование достижения полной идентичности трудно удовлет-

ворить/достичь многим группам меньшинств, прежде всего потому, что во многих ситуациях основные источники идентичности для групп меньшинств являются источниками, находящимися в руках внешних групп, то есть групп большинства (доминирующих групп). Основным источником формирования идентичности выступает сила группы в широком смысле: группы, имеющие властное доминирование, могут формировать идентичность групп с более слабыми властными позициями. Исламские сообщества не удовлетворяют этому условию, поскольку они страдают из-за своей относительной слабости при взаимодействии с Западом. Источниками идентичности мусульманских сообществ являются внешние державы.

3. Третье условие/требование для формирования подлинной идентичности состоит в необходимости наличия определенного своеобразия отличительности, с которым связана характеристика положительного восприятия себя. В западном контексте теория социальной идентичности оказалась очень влиятельной теорией, утверждающей, что индивиды мотивированы на достижение положительной и ясной индивидуально отличной идентичности (предположительно эта «мотивация» прививается через механизм социализации). Таким образом, индивиды имеют потребность принадлежать к группам, которые одновременно и положительно оцениваются, и воспринимаются как отличные от других по ряду важных характеристик и аспектов. В западном контексте положительное оценивание группы (и себя как ее члена — В.С.) считается более широкой и всеохватывающей категорией по сравнению с отличительным своеобразием. В связи с этим в исследо-

вательской традиции в теории социальной идентичности делался больший акцент, часто намеренно, на предполагаемой потребности в положительной идентичности, чем на потребности в отличительном своеобразии.

Однако в глобальном контексте группы меньшинств, такие как исламские сообщества, сталкиваются с угрозой подавления импортированными культурными системами и идентичностями. Действительно, группы меньшинств озабочены проблемой положительной оценки себя. Однако даже более приоритетным вызовом для них является сохранение и воспроизводство своей, отличной идентичности. В глобальном контексте отличительное своеобразие стало более трудным и более существенным для достижения жизненных целей, чем положительное оценивание.

Это обусловлено тем обстоятельством, что стало возможным достижение положительной оценки себя посредством ассимиляции в культуру большинства. Однако подобная ситуация приводит к полной потере отличительного своеобразия. Например, мусульмане-иммигранты во Франции, Австралии и других гостевых странах могут оставить (отбросить) свою культуру и идентичность, ассимилироваться в западную культуру и достичь положительной самооценки. Однако выбирая эту стратегию, они теряют отличительное своеобразие и характеристики, которые отбрасывают (оставляют) в сторону. Таким образом, в ряде контекстов положение оставаться отличным от других является вызовом, имеющим превосходящую (первостепенную) значимость по сравнению с позицией быть положительно оцениваемым, поскольку отличительность — пред-

посылка положительного оценивания.

Выполнение требования достижения подлинной идентичности становится более сложным в условиях глобализации, особенно для групп меньшинств. Небольшие культурные и языковые группы находятся под сильным давлением (прессом) ассимиляции в более большие группы. Естественно, глобализация не приравнивается к вестернизации. «Становление глобальным» включает в себя бесчисленные перекрестные процессы «оплодотворения» в различных культурах. Существуют многочисленные источники влияния, отличные от Соединенных Штатов и Западной Европы. В качестве примера выступает Индия с ее исключительно продуктивной индустрией кино. Индийские фильмы в настоящее время импортируются во все уголки земного шара, включая Северную Америку.

Хотя глобализация не является эквивалентом вестернизации, она действительно ассоциируется с движением «подталкивания» к более крупным образованиям. Иными словами, в процессе глобализации более маленькие социокультурные группы часто объединяются в большие. Этот тренд, обуславливаемый экономическими факторами, приходит в противоречие с культурными и историческими процессами, которые толкают группы меньшинств к сохранению локальной идентичности. Анализ этого сложного противоречия Ф. Мохадам обсуждает и развивает в следующем разделе.

Глобальные экономики, локальные идентичности

Неумолимая сила глобализации сокрушает на своем пути бесчисленные культурные, религиозные, этнические,

политические и языковые отличия. Это экономическое давление настолько мощное, что заставляет такие политические гиганты, как коммунистический Китай действовать вопреки своим идеологическим принципам, принимать экономику свободного рынка и интегрироваться в мировую экономику. Вьетнам следует тем же путем. Несмотря на одержанные военные победы против представителей западного мира, сначала Франции, а затем Соединенных Штатов, вьетнамцы были побеждены силами глобализации. Однако стремительная гонка в направлении все большей глобализации блокируется настроениями, проявляемыми различными путями и способами, такими как отказ Франции и Дании принять предложенную конституцию Европейского союза в 2005 г.

Снова и снова мы обнаруживаем, что в основе реакции против глобализации лежит приверженность локальной идентичности. Например, люди, проживающие в Европе, считают для себя весьма затруднительным и пока почти невозможным отбросить восприятие себя «англичанином», «французом», «итальянцем», «немцем» и т. д., и считать себя просто «европейцем». Каким типом личности является именно европеец? До настоящего времени, по-видимому, никто не может дать удовлетворительного ответа. Европейская идентичность существует в головах интеллектуалов, но не в сердцах рядовых европейцев. Европейцы не испытывают никакого энтузиазма, когда говорят о европейской идентичности. И действительно, европейцы не готовы умирать за европейский флаг, а их чувства и настроения остаются целиком связанными с национальными флагами. Именно на локальном уровне (то есть на-

циональном — В.С.) идентичность снова начинает постепенно выдвигаться на первое место.

Та же самая энергия, которая ведет шотландцев, каталонцев, сербов, курдов и бесчисленные другие группы меньшинств бороться за свою подлинную идентичность, толкает мусульманские сообщества к переосмыслению самих себя (какими они являются в настоящее время), а всеохватывающее давление глобализации ведет к возникновению чувства бессилия и беспомощности. Именно локальная идентичность может служить в качестве якоря, помогающего индивидам и группам стабилизировать мироощущение, поскольку массивные приливы и отливы изменений сметают прошлую историю.

В рамках все более и более глобализирующейся экономики, люди прежде всего озабочены быть членами относительно меньших образований: нации, города или деревни, чем членами мирового, континентального или регионального экономического блока. Когда они задают себе вопрос, каким типом личности я являюсь? Они с наименьшей вероятностью ответят, что «я человеческое существо или принадлежу к роду *homo sapiens*», или «я европеец», или «я африканец». Более вероятно, что они отреагируют, заявляя «я англичанин», или «я посещаю мечеть У», или «моя семья состоит из Z человек», или будут идентифицировать себя с какой-то другой осознанной группой.

В некоторых случаях идентичность формируется на основе религиозной принадлежности или ассоциации со спортивной командой либо с некоторой другой социальной единицей, выходящей за рамки национальных границ. На

основании этого можно утверждать, что такая идентификация скорее глобальна, чем локальна. Например, можно утверждать, что личность, которая идентифицирует себя как мусульманина или как фаната «Manchester United», мыслит «глобально». Действительно, апелляция к Исламу, так же как и к «Manchester United» является глобальной. Однако это утверждение не валидно, поскольку в этих случаях идентификация осуществляется только с некоторыми людьми, рассеянными по всему миру (теми, кто согласен с его интерпретацией Ислама или поддерживает ту же футбольную команду) и исключает из этой идентификации других людей. В отличие от глобальной идентичности (типа «я гражданин мира» — В.С.), эта идентичность является пристрастной связью с узкой группой конкретных «других».

Сохраняющаяся тенденция людей идентифицировать себя скорее с локальными, чем глобальными группами, имеет долгую историю и возможно эволюционное обоснование. Республика Платона была придумана как очень небольшое сообщество, а современные общества, которые стали очень большими, имеют тенденцию к организации на основе более мелких единиц, таких как штаты (в Америке), провинции (в Канаде и Франции), округа (в Великобритании) и т. п. Даже в гигантских городских центрах, таких как Нью-Йорк, идентификация осуществляется на основе соседства и других, более мелких образований. В нашем эволюционном прошлом (в истории нашей эволюции) степень выживаемости была, по-видимому, выше среди тех людей, которые отдавали предпочтение сплоченным и небольшим по размеру груп-

пам, чтобы члены группы были способны идентифицировать и сотрудничать друг с другом наиболее эффективно. Верхний предел размеров групп охотников и собирателей природных запасов, скорее всего, ограничивался несколькими сотнями индивидов, в зависимости от сезона.

Опыт существования в современных институциональных образованиях, особенно школах, исходит из того, что проблемы сплочения и дисциплины имеют тенденцию к усложнению, когда это образование включает в себя тысячи человек, по сравнению с системой в несколько сотен человек [1, 5].

Следовательно, давление глобализации, ассоциируемое с объединением/интеграцией во все большие и большие единицы, вероятно, имеет смысл в экономическом плане. Однако оно вступает в противоречие с человеческой потребностью иметь идентификацию с локальными группами, местами и событиями. Процесс перехода от локальной идентичности к более глобальной растянулся на несколько веков и привел к образованию западных обществ. Однако в третьем мире этот процесс происходит слишком быстро с давлением извне, создавая огромное напряжение и конфликты. Кроме того, более объемные идентификационные единицы, доступные для сообществ третьего мира, такие как идентичности, базирующиеся на постулатах Ислама, сами находятся под сильным давлением в целях изменения, чтобы удовлетворять и соответствовать современным глобальным тенденциям. Следствием таких тенденций на уровне индивидуального жизненного опыта является еще большая напряженность и парадоксы. Именно в контексте

этой глобальной напряженности и парадоксов нам необходимо рассматривать эволюцию терроризма. В обсуждении этой эволюции Ф. Мохаддам использует метафору «лестницы терроризма».

Лестница терроризма

Автор начинает с представления о терроризме как о конечном шаге в движении по сужающейся лестнице. Это представление он называет «лестницей терроризма». Впервые метафору «лестница терроризма» Ф. Мохаддам предложил в своей работе «Лестница терроризма: психологическое объяснение» [10].

«Героическая» лестница на пути к терроризму может стать понятной только при помощи эмпатии, настойчивости и самоконтроля, особенно потому, что затянувшиеся взрывоопасные эмоциональные вопросы все еще остаются без ответа. От вопроса «почему они так нас ненавидят?» представители западной цивилизации и особенно американцы продвигаются к поиску ответа на вопрос «почему с точки зрения многих миллионов людей на земном шаре лестница терроризма ассоциируется с большим героизмом, честью, добрым именем и самопожертвованием, также как и лестница, по которой поднимались пожарные Нью-Йорка 11 сентября 2001 г.?».

Несмотря на трудности и боль утраты близких, по мнению Ф. Мохаддама, мы должны придти к пониманию того, почему так много людей на земном шаре симпатизируют точке зрения террористов. *С точки зрения террористов акт терроризма — это самая конечная точка, завершение пути, а не начало истории терроризма.* Чтобы начать анализ формирования представлений террористов с исходной точки, необходимо рас-

сказать историю о том, каким образом взрослый террорист начинает свой жизненный путь, подобно любому другому ребенку, играющему и обучающемуся адаптироваться к требованиям изменяющегося мира. В биологической конституции личности нет ничего такого, что заставляло и обуславливало бы его или ее стать террористом. Мы должны посмотреть на окружающую среду, чтобы объяснить возникновение феномена терроризма, а также задать вопросы в отношении окружающей среды в обществах, взращивающих терроризм.

Что мы можем сказать в отношении социальной среды, которая способна научить ребенка смотреть на мир с точки зрения террористов? Для многих людей это является огромной тайной, поскольку точка зрения террористов предает забвению угрозы, нанесение ран, увечий и даже убийство простых граждан, случайных свидетелей событий и людей, которые ведут мирную повседневную жизнь. Эти граждане не являются угрозой для террориста — они не вооружены и порой даже не вовлечены в политическую активность. Почему террористы должны рассматривать их как врагов и находить оправдание терроризированию, нанесению увечий или убийствам этих граждан? Подобные вопросы требуют ответов (и на них необходимо давать ответы — В.С.). Ответ, который дает Ф. Мохаддам, имеет отношение к психологическому ядру человеческой личности — это *идентичность*, наша концепция/представление о том, каким типом личности мы являемся и как оцениваем себя. Идентичность базируется на знании, познавательной способности, однако, вероятно, наиболее важно то обстоятельство, что она базируется

на эмоциях, таких как стыд и гнев. Эмоции являются интегральными компонентами нашей идентичности: мы не рассматриваем себя и группы, к которым мы принадлежим, объективно. Скорее всего, мы проявляем пристрастность в восприятиях и эмоциях в отношении самих себя и групп, к которым мы принадлежим.

Лестница по пути к терроризму включает в себя трансформации идентичности, когда личность продвигается от одного уровня осознания себя и окружающего мира к другому. Со временем индивид продвигается от «основания к вершине здания»: он или она изменили свою идентичность таким образом, чтобы допустить возможность разрушения и уничтожения других людей. Этот поэтапный путь становления террориста и анализирует подробно автор в следующих разделах своей книги.

Литература

1. Журавлев А.Л., Соснин В.А., Красников М.А. Социальная психология: учеб. пособие для вузов. — М.: Форум, 2006.
2. Соснин В.А., Нестик Т.А. Современный терроризм: социально-психологический анализ. — М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2008.
3. Соснина Л.М. Сравнительное исследование социальных представлений о справедливости различных этнических общностей: дис. ... канд. психол. наук. — М.: Ин-т психологии РАН, 2005.
4. Barker R.G., Gump P.V. Big school, small school: School size and student behavior. — Stanford: Stanford University Press, 1964.
5. Baumeister R.F. (Eds.) Self in social psychology. — New York: Psychology Press, 1999.
6. Brown R., Gaertner S.L. (Eds.) Blackwell handbook of social psychology: Intergroup processes. — Oxford: Blackwell, 2001.
7. Hafer C., Begue L. Experimental research on just-world theory: Problems, developments and future challenges // Psychological Bulletin. — 2005. — Vol. 131. — P. 128–167.
8. McCauley C. Psychological Issues in Understanding Terrorism and the Response to Terrorism // Psychology of Terrorism, Condensed

Edition (Ed. Dy C.E. Stout). — Westport, Connecticut, London, 2004.

9. *Moghaddam F.M.* Interobjectivity and culture // *Culture & Psychology*. — 2003. — Vol. 9. — P. 221–232.

10. *Moghaddam F.M.* The staircase to terrorism: A psychological exploration // *American Psychologist*. — 2005. — Vol. 60. — P. 161–169.

11. *Pyszcznski T., Solomon S., Greenberg J.* In the wake of 9/11: The psychology of terror. — Washington, D.C.: American Psychological Association, 2003.

12. *Taylor D.M.* The quest for identity. — Westport, CT: Praeger, 2002.

13. *Taylor D.M., Moghaddam F.M.* Theories of intergroup relations: International social psychological perspectives. — Westport, CT: Praeger, 1994.